

– мужчины в расцвете сил (Атлас, Ветры, Шторм, Эфир, Мир).

На протяжении всей поэмы, а также в анакреонтических стихах, Иоанн Газский обращается к древнегреческим божествам Айону, Аполлону, Аресу, Атласу, Афродите, Зевсу, Зефиру, Деметре, Каллиопе и др., используя в некоторых местах античные сюжеты. Так, например, тему весны, Афродиты и роз, распространенную в Анакреонтике (Анаст. 4 и 7), можно также обнаружить и в «Описании» (Tab. 390–395 и 660–671). Удивляет, насколько глубоко и пронизательно византийский поэт, опираясь на античную эпическую традицию, смог понять и сплавить аллегорические и христианские образы картины в классическом жанре экфрасиса.

В. В. Майко

Институт археологии Крыма РАН (Симферополь)

Историческая топография Сугдеи средневизантийского времени (VIII–IX вв.)

Благодаря раскопкам последних десятилетий накоплен достаточный материал для осуществления попытки исторической реконструкции средневековой Сугдеи в указанный хронологический период. При отсутствии письменных свидетельств, мы можем оперировать только археологическими источниками. Именно они позволяют определить специфику формирования города и сравнить ее с синхронными провинциально-византийскими городами Таврики, прежде всего Херсонесом, Партенитами, Алустоном и Боспором.

В настоящий момент, исходя из археологического, в том числе и сфрагистического материала, время возникновения средневекового города определяется в рамках последних десятилетий VII в. Что собой представляла Сугдея этого времени судить сложно. Однако, благодаря выгодному географическому положению, первоначальное поселение уже к середине VIII в. переросло в городской центр.

С этого момента в исторической топографии Сугдеи, ориентируясь и на особенности рельефа, можно выделить три составные части. Первую составляет само городище, обнесенное мощной крепостной стеной. Время сооружения последней остается предметом дискуссии, но в первой половине VIII в. она, возведенная местными бригадами строителей под руководством византийских инженеров, уже существовала. Раскопанные участки первоначальной крепостной стены, исследованные на участках куртин XI, XV, IX и под лавами цистерны 1, позволяют утверждать, что по площади городище занимало практически весь северный склон крепостной горы.

Застройка внутрикрепостного пространства может быть представлена только в самых общих чертах. На участке куртины XI генуэзского времени

находился центральный вход, возле которого располагалось языческое святилище, связанное с культом огня, обнесенное каменной оградой. Его зольник находился с внешней стороны стены. Еще один вход был зафиксирован на участке куртины XV в западной части оборонительного кольца. Вплотную к куртинам располагались жилые и ремесленные постройки. Наиболее сохранившийся комплекс железодельной мастерской с жилищем ремесленника был раскопан с внутренней стороны куртины XI. Характер застройки остальной территории остается пока невыясненным.

Вторым элементом городской инфраструктуры являлась портовая часть, занимавшая южные склоны крепостной горы и укрепленная со стороны суши крепостной стеной. Остатки последней были раскопаны непосредственно возле башни Фредерико Астагуэрро генуэзского времени. Масштабные раскопки, проводившиеся здесь начиная со второй половины 1920-х гг. и до сегодняшнего дня, позволяют уверенно утверждать, что плотно застроенными были как минимум две первые террасы южного склона крепостной горы. Жилые и хозяйственные помещения, здесь располагавшиеся, не образовывали квартальной застройки, но, благодаря отсутствию большого свободного пространства, были тесно прижаты одно к другому.

Составной частью этой территории города был порт. О характере сооружений, непосредственно связанных с его функционированием, пока ничего не известно. Тем не менее значительный археологический, в том числе нумизматический и уникальный по составу и количеству сфрагистический материал, обнаруженный в ходе проведения подводных исследований, свидетельствует о довольно активном функционировании городского порта.

Третьим элементом инфраструктуры являлся городской посад, занимавший практически всю территорию долины, примыкавшей к крепостным стенам. Вероятнее всего северная и северо-восточная части посада, расположенные и подножия горы Перчем, были заняты городскими некрополями. В настоящий момент их раскопано два (Судак-VI и первоначальный некрополь Судак-IX). Оба они состояли из грунтовых языческих и христианских погребений в плитовых могилах и склепах, а также могил с комбинированной конструкцией. При этом расстояние от границ могильников до самой крепостной стены составляло не менее 300 м. В отличие от них, еще один третий небольшой по площади городской биритуальный некрополь, образованный склепами для захоронения городской знати и грунтовыми могилами, находился непосредственно у подножия крепостной стены возле центрального входа в город. Несмотря на несомненное присутствие на всех некрополях христианских черт погребального обряда и христианских погребальных конструкций, христианских храмов, датированных до середины X в., ни на площади могильников, ни на территории посада и внутрикрепостного пространства пока не раскопано.

Помимо некрополей на территории посада располагалась жилая застройка. Вероятнее всего она представляла собой отдельные усадьбы, расположенные на значительном расстоянии друг от друга. Постройки с каменными стенами были исследованы возле первоначального некрополя Судак-IX в северо-восточной части посада и в западной части посада напротив куртины XVII.

Материальная культура Сугдеи VIII – первой половине X вв. относится к так называемому крымскому варианту салтово-маяцкой археологической культуры. Его отличительной особенностью является сильная византинизация, проявившаяся во всех сферах жизнедеятельности. Исходя из этого, городское население составляли, вероятнее всего, праболгарские племена, давно и прочно перешедшие к оседлости. Тем не менее в организации жилого пространства они исходили, прежде всего, из византийских традиций планировки городских поселений. Особенности городской инфраструктуры, отличные от Херсонеса и Боспора, продиктованы были, вероятнее всего, отличием рельефа местности. Осуществляла ли руководство этим процессом византийская городская администрация, на имеющемся археологическом материале пока сказать сложно. Уникальная коллекция сфрагистического материала свидетельствует о безусловном присутствии в это время в городской среде византийских чиновников. После середины X в. в связи с кардинальными изменениями политической ситуации городская инфраструктура претерпевает значительные изменения. Однако это тема уже другого исследования.

Д. И. Макаров

*Уральская государственная консерватория имени М.П. Мусоргского
(Екатеринбург)*

**О рационалистическом характере этики Феодора Метохита и ее
источниках (На примере Слова 10 «О нравственных проблемах,
или Об образованности»)**

В 61-й главе трактата «Об образованности» (ок. 1305 г.) Метохит писал: «И лишь дар слова (ἡ ... τοῦ λόγου χάρις), поистине, представляет собой единственное благо, принадлежащее исключительно людям – и из всех благ наидостойнейшее. Оно всем верховодит и выступает наставником подлинного счастья...»¹. Как и во всей античной и византийской традиции, познание здесь неразрывно связывается с нравственными регулятивами жизни и поведения личности. Для обоснования этого комплекса мыслей Метохит обра-

¹ *Θεόδωρος Μετοχίτης. Ἠθικός ἡ περὶ παιδείας / Εἰσαγωγή – Κριτική ἔκδοσις – Μετάφρασις – Σημειώσεις ἀπὸ Ἰ.Δ. Πολέμη / Θεόδωρος Μετοχίτης. – Ἀθήνα 2: Κανάκη, 2002. (Κείμενα βυζαντινῆς λογοτεχνίας, 1). Σ. 260.8–11. (Далее: Полέμης).*